

Puchljaková, Helena

О некоторых параллельных словах, стилистических синонимах в русском языке и их чешских эквивалентах

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1967, vol. 16, iss. A15, pp. [111]-124

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101091>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЕЛЕНА ПУХЛЯКОВА

О НЕКОТОРЫХ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ СЛОВАХ, СТИЛИСТИЧЕСКИХ СИНОНИМАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ЧЕШСКИХ ЭКВИВАЛЕНТАХ

В русском словарном составе были зафиксированы слова различного происхождения, которые выражали одно и то же понятие.

Некоторые из них с течением времени выбыли из русской лексики, другие же перешли в разряд стилистических синонимов.

В настоящей статье делается попытка проследить судьбу некоторых параллельных слов, и указать, чем они отличаются от чешских соответствий.

Сношения древней Руси с другими не славянскими государствами были очень оживленными с давних времен. Церковные связи Киевской Руси с Византией, торговля с греками и варягами, странами Востока и Запада, соседство с тюркскими народами, походы в близкие и далекие земли — все это приводило к общению с чужестранцами и способствовало тому, что русские люди знали не только славянские, родственные языки. В летописях, грамотах, оригинальных произведениях и переводных сочинениях, нередко встречаются греческие, латинские, арабские, персидские и еврейские слова.

Переводческое дело на Руси было налажено уже в древнейший период русской истории (при Ярославе Мудром, XI в.). Для понимания иностранных слов, употребленных в книгах, и оставленных без перевода в тексте, составлялись словари.

Так, для пояснения преимущественно еврейских слов к Кормчей книге (1281 г.) был приложен 1-й Новгородский словарь, имевший в первоначальном списке 174 слова, а в последующих — 344.

Сочинение св. Иоанна Лествичника сопровождается также словарем (известным под названием 2-го Новгородского), содержащим 61 слово, позднее — 200.

К 16—17 вв. относятся словари: Лаврентия Зизания Тустановского (1526 г.) к его Славянской грамматике, содержащий 1061 слово, причем объяснения даются автором на литовском языке; Лексикон Памвы Беринды (1653 г.), а также азбуковники — два великорусских словаря.

В Материалах для Словаря древнерусского языка Срезневского зафиксированы иностранные слова, которые впоследствии выбыли из русской лексики, как например:

КАЛИГА (башмак); СЫНЪ, ПИРГЪ, ПИРГОСЪ (башня).

В древнерусском языке часто встречались грецизмы, означающие те одушевленные имена или неодушевленные предметы, для которых имелись древние наименования, в большинстве случаев общие для всех славянских языков. Они также вышли из употребления:

КАСИТЕРЬ — олово — ¹plumbum, ²stannum, (olovo)
 ПИФАРЬ — бочка — (bečka)
 ПОЛИКСАРЬ — посол — (posel)
 СТРОФИНГЪ — хвост — (chvost)

В некоторых случаях старинные слова иностранного или славянского происхождения были общими в чешском и русском языках:

adamant — замещено впоследствии в чешской лексике словом „diamant“ (рус. диамант — устарело)

адамантъ — замещено впоследствии в русской лексике словом „алмаз“

ostrovid — в современной чешской лексике животное известно под названием „tys“ (муж. р.)

островидъ — современное русское название — „рысь“ (жен. р.).

Иногда автор повествования прибегает к иностранным словам, которые чередуются в тексте с русскими, или более известными для читателя словами, чтобы придать посредством таких экзотизмов большую колоритность своему описанию чужих земель. Так, Афанасий Никитин в „Хождении за три моря“ (1466—1472 гг.) употребляет в своем рассказе персидские и тюркские слова: „... прьвое море Дерьбенъское, доріа Хвалитьскаа“ или: „А мамонъ ходять ночи ... А обезьяны то те живутъ в лесу“.

Если „доріа“ было лишь цитатным словом, не получившим распространения, то грецизм понт был широко использован в русской литературе позднейшего времени, главным образом 18 века.

Ср. например у поэта второй половины 18 в. В. Майкова:

И как бы ветер меня по понту ни носил

(Корабль и лодка)

или у Державина: „

И пылъ / И понт кипят, летят волнами

(Гром)

Таким образом, в течение длительного периода, иностранное слово понт сосуществовало с общеславянским море — moře, которое впоследствии и вытеснило иноязычное параллельное слово.

В противоположность южнославянским языкам — с.-х. маймун, б. маймуна — в русском языке не сохранились параллельные слова к „обезьяна“ (перс. абузине): дррус. МАМОНА (перс.), ТРЕПЯСТОКЪ (греч.), ОПИЦА (герм.), ср. последнее слово с чешским opise, входящим в словарный состав современного чешского языка. Не сохранилось в русском языке и другое наименование обезьяны — пификъ, зафиксированное в словаре 18 века.¹

Аналогичное явление можно наблюдать и в чешском языке. В современной лексике чешского языка отсутствуют древнечешские слова, в большинстве случаев латинского или немецкого происхождения, как например „discipul“ (ученик) или „lenč“ (наряду с „podletie“, „jeř“, „vesno“).²

Эти слова также были вытеснены из чешского словарного состава, и замещены посредством слов žák, jágo.

Дальнейшими параллельными словами являются в русском языке оцетъ и уксусть, дррус. ОЦЕТЪ, чеш. только ocet; б. оцет, с.-х. одат,

п. *oset.* В Словаре Академии Российской (1822 г.) слово *оцеть* тождественно слову *уксусъ*, которое дается с пояснением: „виноградное вино или пиво, искусственно чрез особливый род брожения сделанное кислым“. В. Даль зафиксировал в своем словаре *оцеть* как церковное, южное и западное слово. В современном обиходном русском языке оно было замещено словом *уксус*, греческого происхождения. Таким образом, в данном случае, как и в некоторых других, общеславянское слово латинского происхождения — уступает заимствованию из греческого языка. Впервые слово *уксусъ* встречается в грамотах около 1136 г.³

Иногда один грецизм заменяется другим грецизмом: *дррус.* ВАПНО, областное (новорос.) *вапна* — чеш. *vápno* и — современное русское *известь*, или же заимствованием из восточных языков: „изумрудь“ через осм. *zümğüd* греческого происхождения, зафиксированное в Материалах для словаря древнерусского языка Срезневским уже в памяти 16 в.⁴, приводится как слово, употребляемое наряду с грецизмом СМАРАГДЪ (в различных вариантах: ИЗМАРАГДЪ, ИЗМОРАГДЪ, ЗМАРАГДЪ). *Смарагдъ* позднее уступает параллельному слову *изумрудъ*, которое закрепилось с 1462 г. в грамотах (М. Vasmer, REW). Так, в Словаре Академии Российской (1809 г.) „*смарагдъ*“ уже приводится с ссылкой на слово „*изумрудъ*“, что свидетельствует о редком употреблении грецизма. В чешском же языке *smaragd* продолжает оставаться единственным наименованием этого драгоценного камня, также как с.-х. *смарагд*, п. *szmaragd*.

Чешское *perly* и русское *перлы*, не различаясь по своей семантике, не могут, однако, считаться эквивалентными лексическими единицами, так как русское слово уже принадлежит к устарелым. Несмотря на то, что в ряду параллельных слов к грецизму МАРГАРИТЪ — имевшееся в древне-чешской лексике *margarit* не перешло в современную — слово *перлы* является наиболее поздним заимствованием в форме мужского рода из французского языка, а форма женского рода диалектная — донская) — из немецкого, здесь, как и в предыдущем примере, тюркизм *жемчуг* снова вытесняет существовавшие параллельные слова, которые хотя и остаются в современном русском языке, но приобретают уже другое значение. Так, арабское заимствование *бисеръ* — *biser* встречавшееся у Кларета⁵ и сохранившее свое первоначальное значение в современном болгарском и сербохорватском языках, в современной русской лексике означает очень мелкие разноцветные стеклянные шарики, так, что возникает дифференциация между *бисер* и *жемчуг*. Таким образом, в памятниках 17 в. уже обычно употребление современных названий: „Нашиты четыре круга, по нихъ низаны орлы жемчюгомъ мелкимъ, да въ кругу жъ по изумруду ... *тесма* серебрена съ кроки золотыми съ алмазы.“ (1675 г. Из выходов государей царей и великих князей, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича).

Маргарит с прибавлением уменьшительного суффикса — ка стало названием цветка *Bellis pergenius* и в этом значении оно является французским или немецким заимствованием.

Древнерусское слово ГУДЪБА, зафиксированное Срезневским в памятнике 16 в., имело параллельное слово греческого происхождения — МУСИКА (14 в.), впоследствии в церковных книгах *музикя*.⁶ В 16—17 вв. это слово вновь появляется в русском языке, но как заимствованное уже

с Запада, сначала с ударением на втором слоге (музыка) — ср. „Гремит музыка“ (Державин, К' первому соседу) — через украинско-польское посредство из чешского „muzika“. В настоящее время это ударение считается просторечным. Современное ударение на первом слоге объясняют влиянием австро-немецкого Musik (XVII. век).⁷ Слово музыка, являясь наименованием вида искусства, принадлежит к нейтральному пласту лексики, также как и в болгарском, сербохорватском и польском языках. В чешском языке, наоборот, названием искусства является слово hudba старославянского происхождения, а muzika получило определенный отпечаток; оно принадлежит к обиходно-разговорной разновидности чешского языка.⁸ Это слово имеет еще несколько производных значений: оркестр народных инструментов; деревенская вечеринка с танцами и некоторые другие:

Byla-li tam právě muzika, zastavily se trochu u plotu, kamž obyčejně k nim přistoupilo několik kmoter, dívající se na tancující chasu.

(В. Němcová, *Babička*)

В современной русской лексике уже нет слова гудьба, хотя в словаре В. Даля оно приводится в значении действия от глагола „гудить — гудеть“ — „играть нескладно смычком по струнам, вызывая низкие и протяжные звуки“ — значение глагола нашло отражение в пословице:

Одна голова и гудет и пляшет.

Древнерусское слово ЛИМОНЪ осталось в лексике современного русского языка, тогда как обычное в языке 18 в. цитронъ (цытронъ), зафиксированное в словарях наряду с лимонъ, вышло из употребления. Ср. например „лимонія — овощъ malum limonium“ или просто „лимонъ“ и „цитронъ“ овощъ malum citreum“ (Словарь Поликарпова 1704 г.). Затем в словарях Вейсмана (1731 г.), Лексиконе русско-французском (1762 г.), Нордстета (1780 г.), Словаре Академии Российской (1806—1822 гг.) в которых оба слова имеют одинаковую семантику. Слово „лимон“ заимствовано из арабского языка и вошло в русскую лексику через новогреческое или же итальянское посредство. По указанию Фасмера производное от „лимон“ — фамилия Лимонов была известна в 1490 году. Ср. также поговорку: Артамоны ядят лимоны, а мы молодцы едим огурцы (17 век).⁹

В чешском языке можно наблюдать обратное: limon, limón. В современном языке это древнечешское заимствование из итальянского, было замещено словом citron с тем же значением. Название limon зафиксировано Гебауром в памятнике 17 века:

Jest tu okolo dobrá hojná krajina ..., fíky, mandly, limauy.

(*Jana z Lobkovic, Putování do svatých zemí*)

Общеславянское слово конь — дрчеш. kóň, современ. чеш. kůň — не единственное наименование equus. В русском языке к нему имеются параллельные слова — заимствованные из греческого и восточных языков: тур.-перс. актазь (дословно белая арабская лошадь) в тексте Ипатьевской летописи под 1225 г.,¹⁰ татар. бахмать, бахмутъ, бахманецъ — ср.

Походите на конюшню белодубовую,

По любимого по бахманца

(*Историческая песня Мизаил Скопин-Шуйский*)

далее тюркизм лошадь (чуваш. лаша, тур. алаша), встречающееся уже в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 1111 г. и грецизмы фарь, фарисъ.

Далее сюда принадлежат комонь и шкабатъ, имеющиеся как в русском, так и в чешском языках (чеш. слово в форме *škará*). Для большинства лингвистов остается невыясненным, является ли конь — *kůň* (*kůň*) производным от комонь — *komon*. Комонь встречается уже в Лаврентьевской летописи 6477 (969) года в рассказе о Святославе:

... ИЗЪ ЧЕХЪ ЖЕ, ИЗЪ УГОРЬ СРЕБРО И КОМОНИ.

В исторической песне 16 в. „Иван Грозный и сын“:

Добры комони у молодца не ездятя.

В словаре В. Даля это слово сопровождается следующим пояснением: „комонь — стар. конь, поныне в песнях, особенно свадебных“. В лексике современного русского языка слово „комонь“ уже отсутствует. Для современной стадии развития чешского языка „комонь“, имеющее поэтическую окраску — ср.:

Selim aga jede na komoni

(*E. Krásnohorská, Harač*)

является уже устарелым.

Друс. ШКАБАТЬ —

... И ПРИВЕЗЕ СЪ СОБОЮ ШКАБАТОВЪ, КЛЯЧЬ

НОВГОРОДСКИХЪ.

*Псковская летопись 6979 (1471) г.
(Срезневский, Материалы)*

здесь переводится Срезневским как нейтральное „лошадь“ (хотя в этом примере „шкабатъ“ выступает скорее в качестве синонима к „кляча“, слово, которое Преображенский соотносит с глаголом КЛЯЧАТИ — хромать. Другой вариант шкапа (кляча, heгка) принадлежит к областной — южной и западной — лексике. Чешское „*škará*“ — производное от глагола *skarat* — *skarput* (издохнуть) имеет одинаковое значение с русским словом. Оно является диалектизмом, так как встречается в моравском (валашском) диалекте. Этот пример указывает на близость западных и южных русских областных слов с одной стороны и — восточных чешских (моравских) с другой.

В некоторых случаях, когда одно понятие в русском языке выражается несколькими наименованиями, иноязычные слова в русской лексике замещают славянские. Называя общие родовые понятия без эмоциональной окраски, они вытесняют из нейтрального лексического пласта своих общеславянских предшественников, которые переходят в разряд стилистических синонимов. Вследствие этого, нередко возникает дифференциация между чешской и русской лексической единицей, имеющих одно и то же происхождение, и сходную в звуковом и морфологическом отношении оболочку, но в то же время отличающихся друг от друга в стилистическом отношении, при сохранении общей семантики. Именно такую дифференциацию можно отметить у слова конь перешедшего из старославянского во все славянские языки. Тюркизм лошадь, войдя в лексику русского

языка, и сделавшись обиходным словом, заменило в нейтральном пласте словаря конь, которое определяется на современном этапе развития русского языка как специальное (военное), диалектное или как поэтизм.¹²

В современном русском языке обе лексические единицы стали „экспрессивными синонимами“, „стилистическими синонимами“.¹²

Таким образом, если частота употребления этого слова намного превышает употребление слова „лошадь“ в былинах и народных песнях, то в настоящее время можно наблюдать в русской лексике обратное явление. Иногда оба слова различаются как бы по степени качества. Вероятно в таком плане можно сопоставить употребление обоих существительных у Льва Толстого:

Да, ничего, конь добрый — отвечал Ростов, несмотря на то, что лошадь эта, купленная им за 700 рублей не стоила и половины этой цены.

(*Война и мир т. 1, 2 ч., 4 гл.*)

Старославянское „конь“ — в современной чешской лексике „kŕŕ“ является стилистически нейтральным, и поэтому в русском языке ему соответствует нейтральное, а также обиходно-разговорное слово „лошадь“, по мнению В. Даля малоупотребительное в Сибири.

Различия между „конь — kŕŕ“, а также „пес — pes“ отмечается и в чешской лингвистической литературе. Так, отвечая на вопрос „Каковы принципы составления сопоставительного словаря современных славянских языков?“, К. Горалек пишет: „При составлении сопоставительного словаря необходимо иметь в виду стилистическую значимость слов во всех тех случаях, когда отдельные славянские языки, хотя и сохраняют старое слово в первоначальном значении, но у него уже другое стилистическое достоинство.“¹³

Сходной стилистической дифференциацией отличаются между собой и слова пес — pes. Чешское и русское слова происходят от стсл. ПЬСЪ, имеют общую семантику, но чешское „pes“; будучи единственным для выражения понятия „canis“, является нейтральным и, следовательно, более широким по диапазону своего употребления. В древнерусском языке уже в 12 в. было зафиксировано слово собака, иранского происхождения: „слово это, не только великорусское, но и общерусское, засвидетельствовано Геродотом под мидийской формой зрака¹⁴ — ставшее позднее зоологическим термином. В качестве термина астрономического, сохранилось название Пес.“¹⁵

Слово пес в современном русском языке приобрело ту эмоциональную окраску, которая первоначально, была свойственна слову собака. Ср. например, в былинах: слово „собака“ является очень частым эпитетом к татарину; превращаясь в его прозвище, оно становится синонимом к злему татарину.

В современном русском языке наблюдается тенденция придавать эмоционально окрашенные эпитеты слову „пес“. Особенно ярко проявляется различие между „пес — собака“, при сопоставлении употребления обоих слов в одном и том же тексте. Ср. например, название басни Крылова: Две собаки-и начало первой строки: „Дворовый верный пес“, где „собака“ означает лишь родовое понятие, классифицирующее животное,

нейтральное по своей значимости, а слово „пес“ сопровождается, как и в большинстве случаев, эпитетом, выражающим эмоциональную и субъективную оценку. Оно также нередко употребляется в обращении, выражая, таким образом, личное отношение говорящего к животному и, следовательно, приобретает оттенок непосредственности. Например: „Песик (а не собачка!), какой же ты голодный!“. Такую же дифференциацию можно отметить и у Куприна: „Собаками... не торгую-с, сказал он. А этот пес... нас двоих кормит, поит и одевает.“ (*Белый Пудель*).

Интересно также отметить употребление слов „пес — собака“ у Тургенева. Автор выражает своеобразную градацию отрицательных качеств посредством этих двух слов:

Зверь — не человек; сказано: собака, пес, как есть пес ...

Ведь, он такой пес, собака ... мошенник, беспардонный, пес ...

(*Бурмистр*)

В этих предложениях слово „собака“ выражает лишь отрицательное определение-сравнение, а слово „пес“ — выступает в качестве ярко окрашенного эмоционального эпитета, использованного с целью осуждения бурмистра.

Следующую группу слов составляют некоторые древнечешские и древнерусские лексические единицы, сохранившие общую внешнюю оболочку, а также общую семантику и на современной стадии развития обоих языков. Однако, уже в древнерусском языке наряду с ними существовали параллельные слова, выражавшие те же или близкие понятия (а некоторые из них были полисемичными). С течением времени одни из них вошли в активный словарный состав современного русского языка в качестве нейтральных и обиходно-разговорных слов, тогда как другие, имеющие чешские соответствия, отличаются от них своей принадлежностью к возвышенному стилю, уступив, таким образом, свои номинативные функции, и ставши стилистическими вариантами.

К словам этой группы относятся лексические единицы означающие органы чувств или части человеческого тела: око — глаз; уста — рот; чело — лоб; перст — палец; рамена — плечи; длань — ладонь.

око — око

Основным значением слова око — око в чешском и русском языках является *oculus*. Однако оно сохранило свое значение, не осложненное ограничивающими стилистическими рамками, лишь в чешском языке, где, не имея параллельной, равнозначной по своему нейтральному характеру лексической единицы, „око“ является единственным словом нейтрального лексического пласта для выражения понятия „*oculus*“.

В древнерусском языке наряду с „око“ встречается слово „глаз“, зафиксированное в Материалах Срезневского в форме ГЛАЗОК уже на страницах Ипатьевской летописи, сначала с значением „шарик“, а затем, в 13—14 вв., употребляется и прилагательное ГЛАЗАТЫИ — *oculos habens*¹⁶. Ср. также дрчеш. hlazec (род камня).¹⁷ Однако, хотя слово „глаз“ с невыясненной этимологией (см. Фасмер РЭС) и вытеснило старославянское „око“ из современной русской обиходно-разговорной речи, слово „око“ сохранилось не только в пословицах и поговорках:

Не верь чужим речам, а верь своим очам.
Не доглядишь оком, доплатишь боком.

в устойчивых выражениях:

Хоть видит око, да зуб неймет.

(Крылов, Лисица и виноград)

в народных песнях:

Видно печаль по ясным очам.

„Око“ было обычным словом для литературы 18 в.:

И мысленным очам моим
Не предложу я дел преступных —

(Державин, Праведный Судия)

а в качестве стилистического синонима оно встречается не только в литературе 19 в., но также в поэзии и прозе современной нам эпохи, причем это слово употребляется, преимущественно, в форме множественного числа — *очи*.

Прослеживая употребление слов, так называемого высокого стиля, напр. *око — очи*, и их нейтральных эквивалентов, как *глаз — глаза* в одном и том же произведении, можно легко убедиться, что давая реалистическое описание внешности человека, авторы 19—20 вв. в большинстве случаев пользуются словами нейтральной лексики (*глаз — глаза*), тогда как при характеристике, отличающейся эмоционально-приподнятым тоном, употребляют слово „*око — очи*“. Дифференциацию нейтрального слова от его стилистического синонима можно найти, например, у Гоголя: „*очи*“ — в лирических отступлениях, а „*глаза*“ — в реалистическом описании наружности героев.

Сергей Есенин в своих стихотворениях пользуется словом *глаза* при конкретном значении:

Голубая кофта. Синие глаза

(Голубая кофта)

и словом *очи* в метафорическом плане:

Сердце остыло, и выцвели очи

(Вечером синим)

Сходное употребление можно отметить и в произведениях писателей и поэтов позднейшего периода.

Употребление слова „*око*“ с обычным стилистическим оттенком приводит к использованию в контексте и других слов, также принадлежащих к книжному стилистическому пласту. Ср. например у Николая Заболоцкого:

Пробежав за страницей страницу
Он вздымал удивленное око

(Приближался апрель к середине)

Однако, именно в связи с контекстом, слово может совершенно утратить свою обычную стилистическую значимость, что происходит в тех случаях,

если оно входит в состав словосочетания, носящего просторечно-грубоватый отпечаток. Такое использование слова „око — очи“ лишает его того возвышенного тона, в котором он почти всегда употребляется, и тогда в целом предложении явно звучит ирония, что объясняется несоответствием между обычным употреблением слова и использованием его в неожиданном — для характера этого обычного употребления — таком, например, контексте:

Протри, говорит, свои ясные очи, может быть, это мираж.

(Щеголихин, *Снега метельные*, 1960 г.)

Своеобразное чередование слов „очи — глаза“ встречается у Аркадия Первенцева. Автор подчеркивает обиходность слова „глаза“, противопоставляя его слову „очи“ посредством точного подбора эпитетов. Необычайность употребления Первенцевым слова „очи“ состоит также в том, что оно использовано как метафора, в контексте, носящем специальный, технический характер:

... доступная обычному глазу ...

фантастические очи локаторов ...

плоскости вод просматривались оком радаров земли.

(А. Первенцев, *журнал Октябрь*, стр. 59, 89. 1961 г., № 9)

ústa — уста

В древнерусской лексике слово УСТА имело следующие значения: рот; губы; орган вкуса; орган речи; язык. Это слово совпадает по внешней оболочке и общей семантике с чешским *ústa*, которое, однако, принадлежит к нейтральному пласту лексики, тогда как в современном русском языке оно относится к книжно-поэтическому лексическому пласту. Такая стилистическая окраска слова вызывает употребление в контексте и других слов, принадлежащих к той же разновидности речи. В одних случаях, выбор особого рода лексики — славянизмов — создает соответствующие стилистические рамки для возвышенной тематики. Ср., например, у Пушкина:

Все чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой.

(*Отцы пустынники*)

у Некрасова:

Чьи не плачут суровые очи
Чьи не рошут немые уста.

(*Отрывок. Ночь. Успели мы*)

В других случаях — для поэтической стилизации:

На устах улыбка, а в очах раздумье —
Юности и счастья первая весна.

(*Бумин, В стороне далекой*)

Если в некоторых случаях вполне возможно чередование слов „глаза — очи“, без нарушения эмоциональной приподнятости тона контекста, то поэт нередко отдает предпочтение повторению слова „уста“ — вместо замены его словом рот или губы:

В устах живых уста давно немые
В глазах огонь угаснувших очей.

(Лермонтов, Нет! не тебя так пылко я люблю)

Однако есть контексты, где замена слова „уста“ посредством слова „рот“ совершенно недопустима, даже при использовании одинакового эпитета, так как это могло бы внести диссонанс в стилистическое звучание контекста в целом, разрушить то впечатление, которое создает автор для характеристики персонажей в одной и той же сцене, при одинаковой обстановке. Ср., например, у Гоголя, в сцене столкновения экипажей, в одном из которых ехала молоденькая девушка:

... испуг в открытых остановившихся устах, на глазах
слезы — все это было в ней так мило ...

и далее:

... долго мужики стоят с открытыми ртами.

(Мертвые души, т. 1, гл. 5)

Таким образом, области употребления нейтрального слова „рот“ и его стилистического синонима „уста“, являются еще более четко разграниченными по сравнению с употреблением слов „очи — глаза“.

Некоторые слова должны быть рассмотрены в контексте, а не обособленно, так как „связь с содержанием произведения в целом наделяет иногда некоторые (конечно далеко не все) слова добавочными значениями, заставляет воспринимать их в более сложной и глубокой перспективе“.¹⁸
čelo — чело

Латинскому „frons“ в чешском языке соответствует „čelo“, а в русском языке два слова: „чело“ и „лоб“. Чешское „čelo“, не имея стилистического синонима, является нейтральным, тогда как русское „чело“ принадлежит к той же разновидности слов, как „око“ и „уста“, т. е. к словам, имеющим в современном русском языке определенный стилистический отпечаток, приводимым в словарях с пометами: поэтическое, риторическое, устарелое. В обиходной речи современного русского языка „чело“ было замещено словом „лоб“, которое, однако, в старославянском языке имело значения: „череп“, „голова“, ср. дрчеш. „leb“ и современное чешское „lebka“ (череп), с.-х. лоба а (череп). „Чело“ является также единственным словом для обозначения „frons“ и в других славянских языках (с.-х., чело, б. чело, п. зою). Это общеславянское слово восходит к старославянскому „чело“, имевшему, кроме своего основного значения — часть головы (frons) и некоторые другие, например, „передняя часть ратного строя“ (frons), ср. фронт. Это переносное значение, вышедшее из современного русского языка, сохранилось до настоящего времени в чешском языке, в словосочетании čelo armády.

В литературе 18 в. можно наблюдать четкое разграничение употребления „чело“ и „лоб“. Ср. например у Фонвизина:

Государь ... являя им грозное чело ...

(Рассуждения о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления)

у Карамзина:

Спокойное величество блистает на челе мудрого

(Дережня)

и в комедии Сумарокова:

ав, как меня щелкнет в лоб —

(Ссора у мужа с женой)

где выбор между „чело“ и „лоб“ обусловлен жанром произведения, который влечет за собой и подбор других слов: грозный, мудрый и — щелкнуть.

„Чело“ встречается часто как в поэзии первой половины 19 в., например у Лермонтова:

Тогда расходятся морщины на челе

(Когда волнуется желтеющая нива)

Он, был с безоблачным челом

(Ветка Палестины)

так и — конца столетия, например у А. Майкова, Фета и других:

Подъяв чело иди бестрепетной стопою

(Плещеев, С... у)

С пылающим челом и с влажными очами

(Надсон, Испытывал ли ты)

а также у поэтов 20 века:

Как воск — чело

(А. Белый, Калевка)

А он глядел... на свой камзол, на красоту чела

(Бунин, Дедушка в молодости)

И Родина сама,

любуясь ими,

С улыбкою чело склонила к ним

(Ахматова, В пионерлагере)

В большинстве этих стихотворений „чело“ стоит в одном ряду с другими словами такой же разновидности: подъять, очи, длань, (камзол), златой, глава, что соответствует торжественному тону высказывания. Оно встречается и в современной журналистской лексике, где употребляется для привнесения элемента риторичности в общий хроникальный тон повествования. Так, например, описывая приезд министра Фурцевой в Индию, автор очерка (журнал „Огонек“) рассказывает, что один из встречающих нарисовал в знак приветствия на челе гостыи красный кружок. Таким образом слово „чело“ находится в соответствии с общим тоном описания встречи официального лица.

гамена — рамена

Значительно более редким является употребление слова „рамена“ (в форме множественного числа) — стилистического синонима к общоно-разговорному слову „плечи“. „Рамена“ — является славянизмом в отличие от чешского „гамена“, входящего в активный словарь живой разговорной речи чешского современного языка. Однако и это слово встречается еще у авторов 19 в. в сочетании с другими словами того же лексического пласта:

Копье рамена прободает

(Батюшков, Сон воинов)

И разовьет красу своих рамен

(Шевырев, Мысль)

В чешском языке есть целый ряд слов, которые могли бы быть отнесены к общему чешско-русскому лексическим единицам, однако они отличаются от русских соответствий фонетической оболочкой — отсутствием гласного. К таким словам, с несколько измененной семантикой, принадлежат и „prst — palec“, „перст — палец“, которые можно также отнести к словам предыдущей группы (око, уста, чело, рамена).

Оба праславянские слова сохранились в современной лексике сербохорватского языка: прст — палац; болгарского: пръст — палец с теми же значениями как и в чешском языке: „prst = digitus“ и „palec = digitus pollex“ тогда как в русском и польском языках „палец“ — „palec“ означает „digitus“ вообще. Таким образом, различия между „prst и palec“ с одной стороны, и „palec — палец“ с другой — является чисто семантическим, без какого-либо стилистического оттенка, имеющегося между словами „перст“ и „палец“, которые в древнерусскую эпоху употреблялись как слова с одинаковым значением. Именно одинаковое значение этих двух слов и привело к тому, что одно из них — „перст“ — оказалось выбывшим из разговорной речи русского современного языка. Оно сохранилось в производных словах: перстень, перчатка (из „перестатица“).

Слово „перст“ употреблялось в поэзии 18—20 вв., например у Державина:

И перстом быстры реки водит.

(Гром)

у Пушкина:

Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.

(Пророк)

В 18 в. слово „перст“ было общепринятым для произведений высокого стиля, но в приведенном стихотворении 19 в., употребление славянизмов „перст“, „зеница“ и других, вызвано его особым, исключительным характером.

dlaň — длань

Слово dlaň, имеет русское соответствие в длань, однако оба они различаются между собой по семантике: dlaň = ладонь, а „длань“ = „dlaň“ и „ruka“. Кроме того, оба слова принадлежат к разным стилистическим пластам: чешское „dlaň“ — общоно-разговорное слово — является

нейтральным и принадлежит к активному словарю чешского современного языка, тогда как древнерусское „длань“, употреблявшееся еще в поэзии XVIII века, в современном русском языке замещено словами „ладонь“ и „рука“ (ср. лат. „palma“ — ладонь и рука). В значении „рука“, оно встречается в произведениях Ломоносова:

Ты с тверди длань прости высокой

(Преложение псалма 143)

Державина:

И в миг единый миллионы
Кто дланию возжег планет?

(Гром)

Как видно из вышеприведенных примеров, в древнерусском языке были параллельные слова славянского и иностранного происхождения, означавшие одно и то же понятие, что приводило к образованию вокруг него „многословия“, нежелательной полилексии. С течением времени такие слова начали исчезать, и в русской обиходно — разговорной речи, часто оставалось слово не славянского происхождения, тогда как исконное, славянское становилось стилистическим синонимом. Таким образом, между русскими и чешскими словами возникали различия, но не семантического, а стилистического характера так как в чешском языке это были слова нейтральные, принадлежащие к обиходно-разговорной лексике и, следовательно, без стилистической окраски.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Словарь Академии Российской 1789—1822 гг.*
- ² J. Gebauer, *Slovník staročeský*, str. 601: „jaro“ в значении „весна“ начало употребляться позднее.
- ³ M. Vasmer, *Russisches Etymologisches Wörterbuch 1953—1958*, Heidelberg.
- ⁴ По Фасмеру это слово закрепилось в грамотах с 1462 г.
- ⁵ V. Machek, *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, Praha 1957.
- ⁶ *Словарь Академии Российской 1789—1822 гг.*
- ⁷ M. Vasmer, R E W. Фасмер ссылается на Schulz-Bazler 2, 162.
- ⁸ Термин „обиходно-разговорная разновидность“ употребляет А. Широкова для передачи понятия „obecná čeština“.
- ⁹ *Повесть или пословицы всенароднейшие по алфавиту (17 в.)*.
- ¹⁰ П. Мелиоранский, *Заемствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени ИОРЯС т. 10, кн. 4*.
- ¹¹ В. Н. Ключева, *Синонимы в русском языке*. „Русский язык в школе“ 1954 г. № 3.
- ¹² А. И. Ефимов, *Роль художественной литературы в развитии литературного языка*, Вопросы языкознания 1960 г., № 2.
- ¹³ К. Горалек, *Сборник ответов на вопросы по языкознанию к 4 Международному съезду славистов*, М. 1958 г., № 6.
- ¹⁴ Л. Мсерианц, *К вопросу о взаимоотношениях славянских и иранских языков*, РФВ 1911 г., № 65.
- ¹⁵ В. Н. Ключева, *Краткий словарь синонимов русского языка*, М. 1956 г.
- ¹⁶ И. И. Срезневский, *Материалы для древнерусского словаря 1893—1903 гг.*
- ¹⁷ J. Gebauer, *Slovník staročeský*, Praha 1903.
- ¹⁸ А. В. Федоров, *В защиту некоторых понятий стилистики*. Вопросы языкознания 1954 г., № 5, стр. 70.

O NĚKTERÝCH PARALELNÍCH SLOVECH A STYLICKÝCH SYNONYMECH V RUŠTINĚ A JEJICH ČESKÝCH EKVIVALENTech

Ve staré ruštině se vyskytovala paralelní slova slovanského a neslovanského původu, označující jeden a tentýž pojem, což vytvářelo nežádoucí polylexii (srv. např. конь, лошадь, актаз, бахмат, фарис aj.). Během času taková slova začala mizet a v obecné ruštině často zůstávalo slovo neslovanského původu, kdežto původní slovanské se stávalo stylistickým synonymem, a tak mezi ruskými a českými slovy vznikl rozdíl ne sémantického, ale stylistického rázu, protože v češtině to byla slova neutrální, obecná, bez stylistického zabarvení (kůň — конь).